

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ПРОЕКЦИИ: КЫРГЫЗСТАН — УЗБЕКИСТАН — КАЗАХСТАН

Сергей ЛУЗЯНИН

*профессор Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД Российской Федерации,
президент Фонда поддержки востоковедческих исследований
(Москва, Россия)*

Стремительное развитие ситуации в ряде государств Центральной Азии — смена власти в Кыргызстане (24 марта 2005 г.), кровавые события в Андижане (Узбекистан, 13—14 мая), выход Ташкента

из организации ГУУАМ и другие факторы — высветили ряд новых проблем, связанных с разноплановыми процессами в регионе, а также с политикой отдельных держав (России, Китая, США) и Евросоюза.

«Цветные революции» СНГ в экспертно-дискуссионном поле

Нынешняя общая проблематика перспектив «цветных революций» на постсоветском пространстве, включая республики Центральной Азии, привлекает пристальное внимание политологов, историков, экономистов. События последних двух лет значительно расширили для исследователей границы дискуссии, включив в нее достаточно сложные и деликатные темы о сроках, формах и возможностях обновления режимов стран региона. Отметим, что данная дискуссия развернулась еще до событий в Бишкеке и Андижане. После создания американских военных баз в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане,

а также в связи с обсуждением проблем безопасности в ЦА, форм и методов борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом эксперты изучали вопросы о вариантах трансформации, демократизации стран региона, проведении в них политических реформ. Правда, обсуждение проблемы обновления политических элит велось с использованием достаточно обтекаемых и осторожных формулировок. Смена власти в Кыргызстане и события в Узбекистане, естественно, обострили дискуссию, в которой можно условно выделить четыре аспекта.

Первый аспект

Речь идет о перспективах СНГ в целом. Постсоветское пространство, на котором за последние два года произошли не санкционированные Москвой события в Тбилиси, Киеве, Кишиневе и Бишкеке, стремительно сужается. Развиваются центробежные экономические и политические тенденции, способные привести к демонтажу и без того хрупкой структуры Содружества Независимых Государств.

Часть российских и зарубежных экспертов уже сегодня говорит о фактическом распаде СНГ и формировании альтернативной Кремлю неформальной системы: Украина — Грузия — Молдова. России же «оставляют» пока сохраняющие лояльность 6—7 стран¹.

С любой точки зрения (и формально, и неформально) процесс «сужения» СНГ ничего хорошего России не сулит. В то время как западные структуры в лице ЕС, НАТО, ОБСЕ, а также США постоянно расширяют свое влияние и военно-политическое присутствие в разных регионах, включая СНГ, руководство РФ либо отступает после «сражений», проигранных на полях предвыборных баталлий, либо держит пассивную оборону в относительно управляемых «зонах» Содружества. В этой связи возникает закономерный вопрос: каково реальное будущее СНГ, какие сценарии его развития просматриваются сегодня с учетом российских экономических, политических интересов, а также вопросов безопасности?

Предположим, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе возможны три сценария развития СНГ.

- Первый сценарий — распад — можно, видимо, оценить как наихудший с точки зрения престижа и безопасности России, что рано или поздно будет означать и старт международного «тендера» на новую институализацию пространства Содружества. Москва, скорее всего, будет участвовать в нем наравне с другими «игроками» — НАТО, ЕС, ОБСЕ, США. Если исходить из сегодняшнего соотношения сил в мире, то победитель очевиден². И хотя многие эксперты говорят, что в зону американских приоритетных интересов СНГ не входит, на наш взгляд, Соединенные Штаты приложат максимум усилий, используют все возможные ресурсы, чтобы создать на постсоветском пространстве свою «ось добра». Возможно, что России в этом проекте будет отведена роль важного, но равного с другими участника. Шансы самой РФ на победу или увеличение ее роли будут зависеть от многих факторов, прежде всего от политической и экономической ситуации в стране после 2008 года.

¹ См.: Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: возможности и вызовы для России / Под ред. М.М. Наринского и А.В. Мальгина. М., 2003; Кулагин В.М. Режимный фактор во внешней политике постсоветских государств // Полис, 2004, № 1. С. 115—124.

² См.: Фурман Д. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // Свободная мысль XXI, 2004, № 10. С. 14—24.

- Второй сценарий — укрепление нынешнего, «урезанного» Содружества за счет российско-китайского ресурса. Учитывая растущий потенциал Пекина, теоретически он способен через двусторонние и многосторонние механизмы расширить свою «зону ответственности» не только в Центральной Азии, но и на остальном пространстве СНГ. Варианты и сроки реализации (в долгосрочной перспективе) этого сценария могут быть различными, включая и возможность интеграции таких структур, как ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС в единую организацию, что позволило бы России и Китаю создать новое интеграционное пространство — от границ Беларуси до Китая, получить дополнительные возможности в геополитическом и экономическом соревновании с Западом.

Как ни фантастично звучит данный вариант развития событий, он перекликается с известной российской доктриной об образовании стратегической «дуги стабильности», которая пройдет от Восточной Европы через Центральную Азию до китайского Синьцзяна. Главные недостатки этого сценария — китайское доминирование в нем, а также опасения России и других участников СНГ относительно конечных целей КНР в случае реализации проекта. Мнения о «китайском вызове» хорошо известны в мире. Поэтому РФ вряд ли решится на преобразование ОДКБ в ущерб своим оборонным интересам. Сегодня можно говорить о таком сценарии лишь гипотетически, рассматривая в экспертном плане его отдельные компоненты (например, через расширение ШОС) и возможности локальной, частичной (только на пространстве Центральной Азии) реализации после 2010—2015 годов.

- Третий сценарий — дробление пространства СНГ на отдельные проекты с российским участием, что в контексте интересов Москвы можно считать не самым плохим вариантом. Ныне просматриваются некоторые базовые элементы, способные стать основой для становления отдельных моделей кооперации: российско-белорусское взаимодействие, отношения в системах Россия — Центральная Азия (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан), Россия — Закавказье (Азербайджан, Армения). Понятно, что при реализации этого варианта на фоне общей фрагментации, скорее всего, произойдут качественные и количественные изменения в рамках уже сложившихся институтов: ОДКБ, ЕврАзЭС, а также ГУАМ, ОЦАЭС, проекта ЕЭП и других.

К недостаткам такого сценария следует отнести возможность обострения конкуренции с Западом в контексте упоминавшейся выше стратегии развития СНГ (вариант его распада) и ориентированность прежде всего на экономическое сотрудничество. К несомненным плюсам относится эффект геоэкономической и региональной специализации, который будет стимулировать развитие проектов вне зависимости от характера режимов. В рамках СНГ сегодня очень сложно объединить интеграционные интересы, например, Беларуси и Таджикистана или Украины и Кыргызстана. Субрегионализация Содружества позволит географически сделать их более осмысленными и логичными. В отличие от сценариев, упомянутых выше, данный ориентирован на интересы средних и малых стран (Центральноазиатских и других), на усиление их субъектности. Последнее особенно важно, учитывая необходимость ликвидации «имперских подозрений» в отношении России, которые, к сожалению, сегодня имеют место. Одновременно проект позволяет минимизировать и такое явление, как манипулирование малыми республиками СНГ со стороны «старших братьев». Данный сценарий не закрывает дорогу и для «бывших» или «несостоявшихся» стран СНГ. В среднесрочной перспективе вполне возможно становление полномасштабных двусторонних и субрегиональных моделей сотрудничества: Рос-

сия — Украина, Россия — Грузия, Россия — страны Балтии, Россия — Молдова, Россия — Туркменистан.

Несмотря на прогнозный характер приведенных сценариев, суммируя их, следует отметить, что в настоящее время за каждым из них в странах СНГ сложилась определенная политическая философия и методология подходов. Так, за первым просматривается идеология своеобразного «конформизма», изначально предполагающая доминирование США в сложившейся системе международных отношений и существующих (или планируемых) региональных проектах. На наш взгляд, данный подход превалирует сегодня в Украине, Грузии, странах Балтии и ряде других государств постсоветского пространства.

Второй сценарий («российско-китайского обновления СНГ») перекликается с «алармистской» философией. Особенности этого подхода в том, что нынешнее противостояние великих держав развивается в международной обстановке, отличающейся от классических схем времен «холодной войны», но по сути своей сохраняется. Оно не столь явное, носит завуалированный и скрытый характер. В Москве, Пекине и Вашингтоне прекрасно понимают, что в условиях глобализации и развития интеграционных процессов уровень политических и экономических отношений между ведущими и развивающимися государствами должен быть достаточно высоким. Однако когда речь заходит о сферах национальных интересов и безопасности, то в столкновении этих интересов в стратегических регионах ответственности, в конкуренции за энергетические, транспортные и иные ресурсы борьба может принимать самые жесткие формы. Пространство СНГ — яркий пример такого скрытого противостояния держав, включая Россию, США, Китай, а также НАТО.

Третий сценарий развития СНГ («фрагментация») базируется, на наш взгляд, на «кооперативистской» методологии. Суть данного подхода — попытка построить отношения на основе прагматичного и взаимовыгодного сотрудничества, то есть отойти от старых схем и создавать новые проекты, не столь амбициозные, но более эффективные для всех участников. К сожалению, при принятии политических решений такой подход доминирует не везде, но, проецируя его на пространство Содружества, эта философия может оказаться наиболее перспективной с точки зрения развития сотрудничества и поиска новых ресурсов взаимодействия России с сопредельными государствами на пространстве СНГ.

Второй аспект

На экспертном поле четко обозначились попытки проанализировать причины «цветных революций». Очевидно, что основная линия, разделяющая данное дискуссионное поле, проходит между сторонниками «внешних заговоров» (использование Западом денег, PR-технологий и других ресурсов) и сторонниками «внутренних заговоров». К последним можно отнести, например, российского политолога С. Белковского, который определяет 10 базовых факторов «цветных революций». Девять из них связаны в основном с внутренними политическими и экономическими процессами в той или иной стране:

- 1) блокированная вертикальная мобильность;
- 2) кризис легитимности режима;
- 3) серьезные противоречия внутри правящей элиты;
- 4) дефицит позитивных образов будущего, обещанных властью;

- 5) наличие оппозиции как субъекта и ее лидеров;
- 6) неготовность власти к применению силы;
- 7) нерешенные региональные и этнические проблемы;
- 8) слияние крупной бюрократии и политической элиты;
- 9) внешняя заинтересованность в смене режима;
- 10) кризисная ситуация в роли «спускового крючка»³.

С учетом этих факторов (или их отсутствия) упомянутый автор называет наиболее вероятную группу государств, где эти революции возможны. Прежде всего к таким странам относятся Армения, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан, во вторую очередь — Россия и Азербайджан, на последнем месте — Беларусь и Туркменистан, в которых революции, по его мнению, «наименее вероятны»⁴. Предложенная схема достаточно спорная, к ней можно относиться по-разному, обсуждая те или иные прогнозы. Но заслуживает положительной оценки и может быть перспективной в плане дальнейшей региональной и страновой разработки сама попытка как-то систематизировать противоречивую внутреннюю мотивацию протестных движений в странах Содружества.

Третий аспект

Этот аспект дискуссий касается проблематики радикальных исламских движений, а также влияния революций на широкий спектр внутренних экономических, политических, социальных и других процессов в странах региона. Проблема протестного влияния на традиционные центральноазиатские структуры — сравнительно новая в политологии, многие тенденции этого механизма лишь зарождаются, не до конца осмыслены и, как правило, развиваются в скрытых, теневых сферах жизни сообществ республик ЦА. Однако уже сегодня можно говорить о том, что процессы в Кыргызстане и Узбекистане объективно стимулировали, в частности, и процессы «ретрадиционализации». Профессор Ирина Звягельская справедливо отмечает, что «ретрадиционализация», в той или иной мере затронувшая все государства Центральной Азии на этапе их независимого развития, имела (и имеет) неоднозначные последствия. Нынешнее укрепление клановых, семейных, махаллинских (общинных, соседских) и земляческих связей вызвано не столько поисками идентичности, сколько социально-экономическими причинами. «Главным спусковым механизмом цветных революций, — отмечает она, — становится слабость власти, которая четко осознается политическими конкурентами, готовыми воспользоваться случаем и готовящими себя к нему. В ситуации, когда президент, как это сделал Акаев, отказался баллотироваться на следующий срок, но при этом не назначил себе преемника, активизируются традиционные родовые и/или региональные группировки, связанные с оппозицией. Они предоставляют поддержку своим землякам, обделенным властью и желающим ее обрести»⁵.

В данном (третьем) блоке важны новые акценты в трактовках исламских радикальных вызовов. Понятно, что радикальный ислам не ушел и не уйдет из региона, с этим согласен большинство экспертов. Вместе с тем экстремистские организации — Исламское движение Узбекистана (ИДУ), «Хизб ут-Тахрир» и другие — лишь отчасти сохранили

³ Белковский С. Рейтинг претендентов на революцию [http://www.analitika.org/article.php?story=20050522021033988], 5 июня 2005.

⁴ Там же.

⁵ Независимая газета, 23 мая 2005.

транснациональную повестку борьбы против «мирового зла». В их деятельности заметен начавшийся отказ от идеи «глобального джихада» и переход на национальную почву, проявляются попытки укрепить собственные ряды, а кое-где даже наладить диалог с властями⁶. Однако новая тактика не меняет конечных целей, а это — создание исламских халифатов на центральноазиатском пространстве и отстранение нынешних светских режимов от власти. В данной связи весьма важен анализ деятельности организации «Акрамийя», которая в 1996 году откололась от «Хизб ут-Тахрир». Ее лидер — андижанский бизнесмен Акрам Юлдашев, в настоящее время отбывающий тюремное заключение, — создал новую структуру, так как считал, что тактика «Хизб ут-Тахрир» была разработана на Ближнем Востоке и потому она не подходит к условиям Центральной Азии. По его мнению, исламское правление нужно устанавливать на местах, а не в центре⁷.

Большинство российских и центральноазиатских экспертов справедливо полагает, что нынешний политический кризис в Узбекистане и смена власти в Кыргызстане не являются, по большому счету, продолжением демократических мирных революций в Украине и Грузии, а скорее — результат клановой борьбы, проходящей на грани протестных светских и исламских движений⁸. Особенно это характерно для Узбекистана; в частности, экспертное сообщество продолжает активно обсуждать вопрос: был ли бунт в Андижане полностью подготовлен исламскими экстремистами и местными наркобаронами или данный протест, к которому примкнули представители «Акрамийи» и других организаций, в основе своей носил, прежде всего, социальный, светский характер?⁹.

Некоторые политологи считают, что проблема соотношения исламской и светской составляющих достаточно проста. В более исламизированных странах (Узбекистан, Таджикистан) любое протестное движение должно быть по определению исламским. Однако, на наш взгляд, такой подход не отражает всего спектра протестных движений и мотиваций оппозиции. В частности, узбекские волнения совершенно очевидно показали, что наряду с традиционным исламским фактором (деятельность экстремистских организаций) в основе этих событий лежат острейшие социальные проблемы, которые давно существуют в этом государстве с крайне обнищавшим населением, жесточайшим авторитарным режимом, клановым, жестко структурированным обществом. После подавления мятежа в стране «включился» новый механизм — родственная месть. И теперь уже родственники погибших — это сотни и тысячи дополнительных, новых врагов президента республики И. Каримова. А ведь у них нет ничего общего с радикальными экстремистскими исламскими организациями. Учитывая это, можно говорить об одновременном проявлении двух протестных тенденций — радикального исламского (террористического) и светского, социального движений. Причем граница между ними условна, зачастую эти процессы объединяются (иногда стихийно, порой сознательно).

Четвертый аспект

Это изучение влияния наркотрафика на регион в целом и на политические процессы в каждой стране в частности. В странах Центральной Азии, да и на всем постсоветс-

⁶ См.: Макаров Д. Исламистский экстремизм в Центральной Азии: внутренняя или внешняя угроза безопасности? В кн.: Трансформация центральноазиатских обществ и региональная безопасность. М., 2005. С. 95—106.

⁷ См.: Лукоянов А. Кому и зачем был нужен Андижан? [http://www.analitika.org/article.php?story=20050522020506169], 5 июня 2005.

⁸ Там же.

⁹ См.: Макенов А. Андижан в трауре. Революции не будет. Но будет новый президент [http://www.analitika.org/article.php?story=20050519020522974], 5 июня 2005.

ком пространстве, продолжает укрепляться наркотическая «пирамида». В отличие от построений финансовых, эта конструкция имеет реальную конфигурацию, ежегодно охватывая новые миллионы своих жертв. В ее основании лежат гигантские маковые поля Афганистана, широкая сеть «дилеров» (нелегальных курьеров) и отработанные маршруты наркотрафика через Центральную Азию в РФ и Европу. По подсчетам российских экспертов, объем тяжелых наркотиков (героина), в 2004 году прошедших через регион, вырос до 430 т. Учитывая, что Европа в среднем «усваивает» примерно 70 т, остальное зелье (350 т) остается на пространстве СНГ, включая Россию. Часть исследователей считает, что смена власти в Бишкеке — результат исключительно деятельности наркомафии Юга Кыргызстана¹⁰. Данный механизм многие эксперты переносят и на андиганские события. В этой связи следует отметить, что рассматриваемая проблема требует дополнительного изучения. Несомненно, «теневая экономика», включая наркобизнес, имела и имеет свои собственные интересы на центральноазиатском пространстве. Однако было бы ошибочным оценивать данные события лишь сквозь призму интересов наркобизнеса.

Смена власти в Кыргызстане: внутренние и субрегиональные измерения (Узбекистан, Казахстан)

10 июля в Кыргызстане должны состояться внеочередные выборы президента страны¹¹. В условиях достигнутого предвыборного союза между и.о. главы государства Курманбеком Бакиевым и генералом Феликсом Куловым политическая ситуация в стране стабилизировалась. Тем не менее гипотетически сохраняются некие сценарии развития событий.

- Во-первых, возможно, воплотится в жизнь «алармистский прогноз», связанный с утверждениями ряда экспертов о якобы готовящейся «второй волне радикализации». Она, как и первая, придет с юга и «сметет нынешнее руководство». Сторонники этого подхода считают, что в стране неминуема гражданская война по таджикскому или иному варианту, которая приведет к расколу (и де-факто и де-юре) республики на Север и Юг. Нынешнее положение и.о. президента К. Бакиева сравнивают с положением афганского лидера Хамида Карзая, который, кроме столицы, ничем не управляет. Объективные факторы возможной радикализации ситуации, к сожалению, есть. Однако о повторении таджикского сценария говорить преждевременно, так как нынешнее руководство располагает ресурсами, необходимыми для сохранения статус-кво в республике, к тому же рассматриваемый вариант невыгоден и противникам К. Бакиева, ведь дестабилизация и неуправляемость ударит и по ним. К тому же события в Андижане сплотили сторонников К. Бакиева и Ф. Кулова.
- Во-вторых — «авторитарный прогноз», когда на фоне нестабильности и беспорядков в стране лавры победителей достанутся приверженцам жесткого диктаторского правления. Последнее чаще всего связывают с личностью Ф. Кулова и

¹⁰ См.: Джумабаев Э. Революция мака. Кыргызстан: проблема геополитического выбора [http://www.analitika.org/article.php?story=20050519020522974], 5 июня 2005.

¹¹ Статья написана до 10 июля, разумеется, без учета результатов досрочных президентских выборов, поэтому отдельные оценки можно рассматривать как прогнозы. — Прим. автора.

его сторонниками. Следует отметить, что население стран Центральной Азии всегда отдавало и отдает предпочтение харизматичным лидерам. И в этом смысле Ф. Кулов, несмотря на его временные компромиссы с нынешним и.о. президента, имеет шансы для реализации такого сценария, что, однако, следует частично увязывать с первым вариантом развития событий — возможной системной дестабилизацией, в которой не заинтересованы основные политические силы.

- В-третьих, на определенном этапе не исключено активное подключение к борьбе за власть радикальных исламских групп, в частности «Хизб ут-Тахрир» («исламский прогноз»). В период мартовских событий (2005 г.) на эту тему было много спекуляций. На российских центральных телеканалах «раскрученные» политики вещали чуть ли не об «исламской революции» и о некоем походе исламистов на Бишкек, хотя всем было понятно, что это был светский процесс политического обновления режима. Можно сказать, что в отличие от Узбекистана в Кыргызстане роль светских оппозиционных организаций значительно выше. В этом плане нельзя ставить знак равенства между событиями 24 марта в Кыргызстане и событиями 12—13 мая в Узбекистане (Андижане). Конечно, теоретически возможна активизация радикальных исламских организаций в Кыргызстане, особенно на его юге, в зоне Ферганской долины, не исключена. Однако это возможно лишь в условиях полной децентрализации власти.
- В-четвертых, речь идет о «конструктивистском прогнозе», который после 10 июля 2005 года должен быть реализован в рамках легитимной президентской власти. В перспективе возможно внесение поправок и дополнений в Конституцию страны. Этот сценарий наиболее приемлем для всех политических групп. Не исключена вероятность проведения референдума по вопросу о принятии нового закона о партиях и политических объединениях.

Но и в этом варианте просматриваются слабые места, отчасти обусловленные тем, что в тандеме Бакиев — Кулов нет единого взгляда на заявленную еще при президенте А. Акаеве политическую реформу. В Конституцию планируется внести изменения, предоставляющие премьер-министру гораздо более широкие полномочия в экономической и политической сферах — от формирования Кабинета министров до назначения (по согласованию с президентом) глав местных администраций. Прерогативами главы государства остаются курирование силовых структур и внешнеполитическая сфера. Кроме того, реформа предполагает преобразование Кыргызстана из президентской в парламентскую республику, сторонником которой всегда был Ф. Кулов. Позиция же К. Бакиева по этому вопросу более сдержанная: в принципе признавая необходимость такой перестройки, он выступает за ее постепенность¹².

Сохранение тандема «Бакиев — Кулов» было бы идеальным вариантом политического развития страны. Однако, учитывая высокую личную мотивацию обоих, можно предположить, что этот союз окажется временным. Если исходить из сегодняшнего соотношения сил и условных «рейтингов», то К. Бакиев — будущий президент. Сильная сторона генерала Ф. Кулова — личностный фактор, а К. Бакиева — наличие коллектива (его команда состоит из опытных политиков). К тому же в апреле — июне он проделал трудоемкую черновую работу и вариант Ф. Кулов — премьер, а К. Бакиев — президент, возможно, для страны оказался бы не самым худшим. Главное, чтобы личные политические разногласия этих лидеров не вышли за рамки правового поля, не переросли в вооруженные столкновения между их сторонниками. Учитывая южный темперамент

¹² [http://www.ng.ru/courier/2005-05-23/11_bakiev.html], 5 июня 2005.

и особенности межклановых отношений, такую вероятность, к сожалению, исключать нельзя. Поэтому оба политика должны, прежде всего, думать о сохранении единства страны, о недопустимости использования силовых методов и провокаций. Основное — избежать новых походов на Бишкек. В ином случае выборы могут превратиться в «контр-революцию», которая зачеркнет все результаты нынешней деятельности кыргызского руководства.

На первом этапе, сразу после 24 марта, оценки Казахстаном и Узбекистаном событий в Бишкеке были достаточно сдержанны. Конечно, Астану очень многое связывало с режимом А. Акаева, так что для создания нового морально-психологического и экономического климата доверия потребовалось какое-то время. Неоднозначной была и позиция Ташкента. Это объясняется тем, что и до того узбекско-кыргызские отношения были, мягко говоря, непростыми. Некоторые российские эксперты не исключали, что Ташкент использует ситуацию, возникшую на юге Кыргызстана, для укрепления своего влияния в этой стране «руками» узбекской диаспоры¹³. Однако уже в апреле Казахстан и Узбекистан оказали Кыргызстану гуманитарную помощь. Кроме того, состоялся официальный визит Курманбека Бакиева в Астану, где он встретился с Нурсултаном Назарбаевым, а министр иностранных дел Кыргызстана Роза Отунбаева посетила Узбекистан. В условиях андижанского кризиса отношения между Бишкеком и Ташкентом даже вышли на более высокий уровень. Так, новое руководство Кыргызстана поддержало президента Узбекистана И. Каримова, в частности, представители этих стран провели ряд координационных мероприятий по сохранению стабильности на границе.

Субрегиональный эффект кыргызской революции еще до конца не изучен. Однако очевидно, что она определенным образом проецируется на узбекскую и казахстанскую почву. В этом плане можно говорить о скрытом эффекте «домино», то есть об усилении в регионе обновленческих оппозиционных движений. Особенно это актуально для Казахстана, где политический спектр более сложен, нежели в Кыргызстане и Узбекистане. Условно в нем целесообразно выделить четыре базовых элемента, так или иначе связанных с «цветными революциями».

- 1) Наличие светских, политических и экономических группировок, имеющих свою стратегию и определенные взгляды на будущее страны. Если гипотетически предположить возможность революции в РК, то она, как отмечают отдельные эксперты, будет развиваться не только по линии конфликта «между властью и оппозицией», но и между влиятельными клановыми группировками, которые будут использовать все методы для сохранения своей власти и, самое главное, своей собственности¹⁴.
- 2) Наличие проработанных упреждающих действий со стороны власти и проправительственных сил в отношении оппозиции. Например, пропрезидентские партии — Аграрная и Гражданская — объявили о создании Народно-демократического фронта. Его лидеры публично заявили о готовности «взять в руки оружие», чтобы отстоять «суверенитет страны и свободу выбора граждан»¹⁵.
- 3) Обострение кланового противостояния по линии Север — Юг, в котором индустриальный Север Казахстана, представленный в Мажилисе (парламенте) относительно недавно сформированным блоком «АИСТ», группируется вокруг но-

¹³ [<http://www.saturn-ural.ru/analit/2.html>].

¹⁴ Субботин А. Перспективы революции в Казахстане [www.analitika.org/article.php?story=2005052202020722], 5 июня 2005.

¹⁵ Там же.

вых казахстанских миллиардеров Патоха Шодиева, Алиджана Ибрагимова и Александра Машкевича¹⁶.

- 4) Консолидация оппозиции вокруг партии «младотюрков» «Ак-жол», в частности, создан Координационный совет демократических сил.

Один из наиболее ярких оппозиционеров — Акежан Кажегельдин, бывший премьер-министр Казахстана, ныне пребывающий в эмиграции. Кроме того, к объединению усилий призывает известный в народе Галымжан Жакиянов, лидер партии «Демократический выбор Казахстана», который находится в тюремном заключении. Последнее обстоятельство невольно сравнивают с ситуацией вокруг кыргызского генерала Ф. Кулова в период правления президента А. Акаева.

С другой стороны, важным ресурсом в политической борьбе для казахстанского руководства остается экономика страны. Экономический успех Казахстана в 2004 году (годовой рост ВВП 9,5%) отчасти связан с благоприятной конъюнктурой цен на нефть и газ, отчасти — с достаточно эффективным менеджментом, особенно на уровне крупных компаний. В стране успешно проведен ряд реформ, в том числе в жилищно-хозяйственном комплексе (ЖКХ), в пенсионной и других сферах. В свое время казахстанское руководство совершило стратегическую ошибку, подписав ряд долгосрочных инвестиционных договоров с западными компаниями, в соответствии с которыми большая часть прибыли от продажи энергоресурсов ежегодно уходит на Запад. Сегодня Астана пытается исправить эту ситуацию, для чего необходимо пересмотреть ряд контрактов. Ответная реакция известна — многие европейские организации, а также конгресс США ополчилась против Н. Назарбаева, обвиняя президента республики и его окружение в тотальной коррупции («казахгейт»), нарушении принципов демократии, сохранении клановости управления. Астана пытается смягчить противоречия за счет развития сотрудничества с Вашингтоном в сфере безопасности и энергетики. Так, Н. Назарбаев принял участие в состоявшейся 20 мая 2005 года церемонии открытия нового стратегического нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан и подтвердил возможность подключения к нему казахстанской нефти. Однако, по мнению Вашингтона, этих шагов недостаточно, в связи с чем вполне вероятно, что в конце 2005-го или в 2006 году, с учетом предстоящих президентских выборов и наличия достаточно сильной оппозиции в стране и за ее пределами, предъявленные обвинения могут плавно перейти в попытку сменить руководство республики по украинскому, кыргызскому, но, скорее всего, по казахстанскому сценарию, сюжеты которого могут варьироваться — от крайне радикальных до мирных.

Внутренний «срез» центральноазиатских отношений (после событий в Бишкеке и Андижане) свидетельствует о разном уровне доверия между соседними государствами. С одной стороны, волнения в Ферганской долине сблизил Ташкент, Астану и Бишкек в тактическом плане, с другой — не изменили существенно характер долговременных (латентных) конфликтов. Причины сохраняющейся конфликтности и напряженности возникли давно. Они связаны с проблемами неурегулированности отдельных участков границ между республиками региона, с использованием водных и энергетических ресурсов, а также с этническими противоречиями; эпицентр их традиционно расположен в Ферганской долине, где проходят границы между Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. В этом условном треугольнике особенно сложными остаются узбекско-таджикские и узбекско-кыргызские отношения. Андижанские события наложились на традиционную

¹⁶ Первые два — выходцы из соседнего Узбекистана, третий — представитель еврейской диаспоры Кыргызстана, что не может не вызывать резкого неприятия у традиционной элиты Казахстана, которая «де-легирована» в основном южным жузом и группируется вокруг Алматы.

конфликтную зону, добавив непредсказуемости в дальнейшее поведение узбекской диаспоры на территории Кыргызстана, беженцев, находящихся на границе двух государств, и радикальных исламских группировок в сопредельных районах Узбекистана и Кыргызстана.

Кроме того, андижанские события косвенно повлияли и на отношения Ташкента с Астаной и Ашхабадом. В 1990-е годы отношения между Узбекистаном и Казахстаном были непростыми, сохранялось неформальное соперничество этих двух стран — неформальных лидеров региона. На таком фоне нейтральную позицию занимал Туркменистан. В ноябре 2004 года президент Туркменистана С. Ниязов посетил с официальным визитом Бухару и подписал с И. Каримовым узбекско-туркменский договор «О дружбе, укреплении доверия и развитии сотрудничества». Стороны восстановили отношения, которые были разорваны по вине Ашхабада в 2002 году, и заявили о «вечной дружбе». Однако есть версия, что туркмено-узбекское политическое сближение (кроме задач исключительно двустороннего характера) имело и антиказахстанский подтекст. В любом случае, подобный «союз» свидетельствует, во-первых, об активизации Ашхабада и его частичном отходе от политики нейтралитета, во-вторых — о некотором «переформатировании» структуры отношений в регионе и попытке сформировать новый «центр силы» (Ташкент — Ашхабад) в противовес Астане — Бишкеку — Душанбе.

Таким образом, можно сказать, что после событий 24 марта в Бишкеке и 12—13 мая в Андижане, в регионе произошло новое «переформатирование» структуры субрегиональных отношений. С одной стороны, в Кыргызстане отмечается обновление политической элиты, с другой — в прежнем виде сохранились Узбекистан, Казахстан, Туркменистан и Таджикистан, где процессы такого обновления либо начались неудачно, либо даже не предвидятся. Демонстрационный эффект кыргызских событий невольно заставляет соседей КР негласно дистанцироваться, хотя официально все страны региона поддержали И. Каримова в его борьбе за стабилизацию ситуации в Ферганской долине. Однако, несмотря на необходимость объединения в борьбе против радикальной исламской угрозы, видимо, проблема субрегиона, «расколотого» на Кыргызстан и остальные Центральноазиатские государства, сохранится достаточно долго.

Бишкекские события в оценках Китая, Запада и России

В КНР достаточно сдержанно оценили бишкекские события 24 марта. Официальный подход Китая укладывался в четкую формулировку: несмотря на произошедшее, необходимо сохранить мир, стабильность и статус-кво как на уровне двусторонних отношений соседей с Кыргызстаном, так и в многостороннем формате — в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В Пекине, видимо, были (и остаются) опасения относительно дальнейших внешнеполитических шагов Бишкека. В этом плане характерно сделанное через несколько дней после свержения А. Акаева заявление генерального секретаря ШОС Чжан Дэгуана «о необходимости поддержания стабильности и мира в регионе»¹⁷.

В связи с этим, анализируя ситуацию, китайские эксперты дают ряд новых оценок, связанных с отношениями между Пекином и Бишкеком. Если суммировать высказывания китайских исследователей, то КНР опасается: а) активизации трансграничного уй-

¹⁷ Заявление секретаря ШОС Чжан Дэгуана [www.csis.org/china/], 27 марта 2005.

гурского сепаратизма под влиянием событий 24 марта; б) возможности изменения новым руководством Кыргызстана своего отношения к участию в ШОС; в) сокращения двусторонней торговли и пересмотра достаточно спорных соглашений о кыргызско-китайской границе, ратифицированных при А. Акаеве кыргызским парламентом. Эти опасения отнюдь не беспочвенны, так как пришедшее к власти оппозиционное движение Кыргызстана не раз заявляло о необходимости радикально пересмотреть пограничные соглашения, многие представители оппозиции организовывали в Бишкеке митинги протеста по поводу ратификации парламентом упомянутых документов¹⁸.

Острым для Пекина является и вопрос об американской авиабазе в Манасе. Официальная ее цель — поддержка антитеррористической коалиции в Афганистане. Однако в КНР не исключают возможность реализации и другой цели — военно-политического «сдерживания» Китая и России, с использованием (в числе прочих) структур, дислоцированных в Кыргызстане и других странах ЦА. (Здесь уместно отметить, что новое руководство Кыргызстана сохранило запрет на использование американцами самолетов-разведчиков типа «Авакс», введенный в свое время А. Акаевым.)

Что касается причин смены власти в Бишкеке и последствий этого события, то китайские эксперты высказываются более подробно, выделяя следующие ключевые, на их взгляд, причины поражения А. Акаева.

- 1) Его личная психологическая неготовность применить жесткие меры в защиту конституционного порядка.
- 2) Использование грузинского и украинского опыта, активное финансирование извне.
- 3) Слабость России, которая, по их мнению, сознательно дистанцировалась от кризиса, то есть допустила непростительную ошибку. «Россия должна была использовать организацию ОДКБ для помощи А. Акаеву, — пишет политолог Цзи Чжитао, — выполнив таким образом условия договора 1992 года. Свержение А. Акаева, — продолжает он, — для нее (России. — С.Л.) станет большой потерей. Политический переворот в Кыргызстане — новый показатель снижения влияния РФ в странах бывшего СССР, который последовал за Грузией и Украиной, где были дружелюбные режимы, входившие в российскую традиционную сферу влияния»¹⁹.
- 4) Возможная победа 10 июля прозападного президента²⁰.

Другими словами, в интерпретации отдельных экспертов, для Пекина желательно, чтобы Россия взяла на себя роль некоего «жандарма» в регионе и силой защищала существующие режимы, используя для этого ресурсы ОДКБ и других организаций, а Китай при этом оставался в роли наблюдателя и негласного координатора таких действий. Понятно, что подобные сценарии вызывают серьезное возражение российских экспертов. Да и сама постановка вопроса о вмешательстве РФ либо другого государства во внутренние дела стран ЦА заведомо неприемлема. Возможно, что вопрос о необходимости предоставить военно-политическую помощь со стороны ОДКБ (или ШОС) тому или иному государству региона целесообразно рассматривать только в случае реальной угрозы, исходящей от радикальных исламских организаций, и системной дестабилизации в регионе.

¹⁸ См.: *Luzianin S. Materials and Documents on the Kyrgyzstan-China Border*. Executive Editor N. Kerimbekova. Bishkek, 2003, 248 pp. // *Far Eastern Affairs. A Russian Journal on China, Japan and Asia-Pacific Region*, 2005, Vol. 33, No. 1. P. 153—155.

¹⁹ *Beijing Review*, Sunday, 17 April 2005.

²⁰ Там же.

С другой стороны, в Пекине прекрасно понимают (как на экспертном, так и политическом уровнях), что для самого Китая еще не просчитаны все последствия кыргызских событий. Так, специалист по Центральной Азии Сунь Чжуанчжи²¹ отмечает, что США, выделившие Бишкеку 31 млн долл. на развитие демократии в стране, рассчитывают на победу проамериканских политиков на выборах в июле. Вызывает сомнение вопрос дальнейшего участия Кыргызстана в ШОС и размещения в республике региональной анти-террористической структуры.

Общая граница Китая с Кыргызстаном составляет более 1 000 км, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР установлены сухопутные торговые каналы. Поднебесная рассматривает КР как важный буфер в Центральной Азии, откуда исходят угрозы терроризма, сепаратизма и религиозного экстремизма. Вполне вероятно, что хаос в КР негативно отразится и на строительстве железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан. Предполагалось, что она станет кратчайшей из Синьцзяна на Средний Восток и в район Персидского залива, пройдет и в Европу, то есть будет трассой нового Великого шелкового пути, которая соединит Пекин с Парижем. Однако строительство этой магистральной (протяженностью в 600 км) может быть отложено²². Другими словами, в Китае рассматривают кыргызский вызов как системный. Он может ударить сразу по нескольким важным для КНР направлениям: целостности ШОС, вопросам безопасности на западных границах Китая, транспортным и энергетическим коридорам из Центральной Азии в КНР.

Однако в Пекине есть и иные оценки событий в Бишкеке. Так, корреспондент информационного агентства Синьхуа в КР Ван Ванчай отмечает, что «этот политический переворот сам по себе не представляет большой угрозы для Китая. Потери в бизнесе неизбежны в любой стране, где происходят волнения. Гораздо большую озабоченность вызывает возможность организации Соединенными Штатами полетов в Кыргызстане самолетов-шпионов на дальние расстояния, которые способны оказать негативное влияние на безопасность КНР»²³.

Наличие параллельных военных структур России и США в регионе не привело к эскалации соперничества в духе «холодной войны». Наоборот, трансазиатский вояж Генерального секретаря НАТО Яап де Хооп Схеффера (октябрь 2004 г.) в Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан подтвердил идею о том, что Североатлантический альянс не конкурент России в Центральной Азии. Российская авиабаза в Канте (Кыргызстан) существует уже более года, дислоцированная в Таджикистане 201 российская дивизия в октябре 2004-го также преобразована в постоянную военную базу. Характерно, что до кыргызских событий руководители этих двух республик региона воспринимали базы РФ и США не только как фактор поддержания внешней безопасности, но и как фактор, укрепляющий политические позиции Бишкека и Душанбе в Центральной Азии.

Что касается России, то, несмотря на произошедшее в Кыргызстане, она полностью сохранила двусторонний и многосторонний форматы отношений (ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС). Причины этого очевидны: еще до прихода к власти К. Бакиев не раз заявлял, что он не только сторонник сохранения всех внешнеполитических приоритетов президента А. Акаева, но и ратует за углубление кыргызско-российских связей. После 24 марта К. Бакиев подтвердил данные обещания. Вторая причина — скоротечная смена правительства, когда переходный период неопределенности продолжался лишь 2—3 дня, после чего стало ясно, что в Бишкеке появилась (де-факто) новая политическая власть. Если бы

²¹ Ведущий эксперт Института России, Восточной Европы и Центральной Азии при Китайской академии общественных наук (КАОН), был одним из 14 китайских наблюдателей, направленных Министерством иностранных дел Китая в Бишкек для наблюдения за ходом последних выборов.

²² См.: Beijing Review, Sunday, 17 April 2005.

²³ Там же.

этот период затянулся, российское правительство оказалось бы в довольно сложном положении — признавать или нет новое руководство. Но все прошло достаточно гладко и без политических потерь для Москвы.

Если говорить об отношениях между Москвой и Ташкентом, то на них в принципе андижанские события также не отразились. Сохраняя крепкие связи с традиционными партнерами — Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, — в 2004 году руководство РФ «подтянуло» политические и экономические контакты с Узбекистаном до общего уровня стратегического партнерства. В июне того же года в Ташкенте (накануне саммита ШОС) состоялись переговоры В. Путина с И. Каримовым, которые подтвердили тенденцию на сближение. К тому же Москва стала активнее использовать свои экономические ресурсы. Возможно, в их основе лежали растущие цены на нефть, что, кроме всего прочего, придавало российскому руководству ощущение некоторой уверенности в Центральной Азии. Учитывая фактор исламской угрозы со стороны радикальных экстремистских организаций, особенно в Ферганской долине, власти РФ поддержали И. Каримова в андижанских событиях. Для Кремля не существует дилеммы: безопасность или демократия в странах ЦА. Основной мотив поддержки их режимов — сохранение стабильности и безопасности в регионе. В данном случае для официальной Москвы режим И. Каримова — один из ключевых элементов сохранения этой безопасности.

Вторая причина безоговорочной поддержки, возможно, связана с обозначившейся в первой половине 2005 года тенденцией постепенного дистанцирования Узбекистана от США и их союзников, в том числе от структур и организаций, ориентированных на Запад. Незадолго до событий в Андижане Ташкент официально заявил о выходе из организации ГУУАМ, что означало дальнейшее сближение Узбекистана со структурами СНГ (ОДКБ и ЕврАзЭС), в которых Ташкент не состоит, но в будущем может на них ориентироваться. В большей степени республика проявляет интерес к Шанхайской организации сотрудничества, в которую она вступила в 2001 году на правах полноправного участника. Не исключено, что И. Каримов рассматривает ШОС как реальный барьер на пути «цветных революций» в регионе, с чем, возможно, связан уже упомянутый нами выход Ташкента из ГУУАМ, так как эта организации стала для президента Узбекистана неким рассадником «оранжевой» демократии (Грузия, Украина).

Наряду с этим Москва укрепляет свои позиции в регионе и на экономическом направлении, в рамках двусторонних отношений, особенно с Душанбе и Астаной. Так, российская компания «Русский алюминий» намерена завершить в Таджикистане строительство Рогунской ГЭС и создать в республике два новых алюминиевых завода, в целом инвестировав в ее экономику 1,3 млрд долл. Уровень отношений РФ и Казахстана в этой сфере намного выше (более 5 млрд долл.). Вместе с тем в Кыргызстане на очереди реализация крупных энергопроектов, инвестиционных — в Узбекистане и Казахстане. В апреле 2005 года российский «Газпром» и правительство Туркменистана подписали в Москве соглашение о поставках газа по территории России, а также ряд других документов, касающихся инвестиционных проектов. Таким образом, можно говорить, что российская политика в странах Центральной Азии строится как на традиционной основе — сохранении сложившейся системы безопасности, так и на относительно новых факторах — усилении субъектности РФ, особенно в двусторонних экономических форматах и гибком реагировании на новые политические вызовы, связанные с процессами обновления правящих элит.

Р е з ю м е

Суммируя итоги событий в Кыргызстане, следует выделить три принципиальных момента. Во-первых — объективный характер процесса обновления правящих элит. На

постсоветском пространстве он набирает силу и происходит в каждой стране по различным причинам (экономическим, идеологическим, геронтологическим — старение вождей — и т.д.), независимо от того участвует в нем Запад или не участвует. Конечно, крупные державы всегда проявляют интерес (и сохраняют его) к внутренним политическим процессам у соседей, а также желание повлиять на них с помощью соответствующих PR-технологий. Однако без внутренней базы — наличия оппозиционных движений, массового недовольства большинства населения, коррупционного характера правящего режима и других объективных обстоятельств — любые западные технологии в чистом виде окажутся бесполезными.

Во-вторых — центральноазиатскую специфику. В ряде стран региона процесс обновления политических элит проходит под жестким контролем местного руководства (в рамках авторитарных систем правления). Однако в данном случае речь идет лишь о временных рамках консервации этого процесса, в том смысле, что его можно искусственно отодвинуть на пять или даже на десять лет, но избежать его нельзя. Причем, чем жестче режим, тем более непредсказуема форма его обновления.

В-третьих — кыргызскую специфику. Если даже в отношении Бишкека Запад и разработал определенные PR-технологии и сценарии, то они, скорее всего, были ориентированы на октябрь 2005 года, то есть на президентские («акаевские») выборы. События, произошедшие в Бишкеке 24 марта, оказались для США и других стран полной неожиданностью. В основе их лежал, прежде всего, колоссальный разрыв между властью команды (администрации) А. Акаева и реальной ситуацией в стране. Похоже, бывший президент не понимал, что его «рейтинг доверия» у народа упал до самого низкого уровня. К этому, конечно, следует добавить и межклановые диспропорции на местах. Объективные же основы смены власти хорошо известны: коррупция, семейственность, нищета населения.